

ОТ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВА К КРИЗИСУ СОЦИУМА: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПОВСЕДНЕВНО-БЫТОВАЯ ЖИЗНЬ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

В статье анализируется общественно-политическая и повседневно-бытовая жизнь Пермской губернии в первой половине 1919 г. Особое внимание в исследовании уделено проблеме восстановления земств и народной милиции, не получившей полновесного освещения в историографии. Цель работы — изучить результаты влияния управленческой деятельности указанных органов власти на жизнь общества, опираясь на впервые вводимые в научный оборот неопубликованные источники из фондов Государственного архива Пермского края: сводки Пермской городской милиции, рапорты начальника Екатеринбургской милиции, ведомости о происшествиях, рапорты управляющих уездами Управляющему Пермской губернией, приказы по гарнизону города Перми. Теоретическая основа работы — сочетание институционального и антропологического подходов с методами контент-анализа, проблемно-хронологическим и статистическим. По итогам исследования отмечена особая роль Управляющего Пермской губернией Н. П. Чистосердова в общественно-политической жизни региона в изучаемый период, выделены противоречия правовой базы и кадровой политики местных властей; подчеркнута взаимосвязь острого кризиса повседневно-бытовой жизни на фоне политической дестабилизации государства и морального разложения общества.

Ключевые слова: Пермская губерния, А. В. Колчак, Е. Н. Сумароков, местное самоуправление, земства, милиция, уголовные преступления, суицид.

Постановка проблемы. После занятия 24 декабря 1918 г. Перми войсками 1-го Средне-Сибирского корпуса генерала Р. Гайды в городе и на прилегающей территории губернии возобновлялась деятельность земств, народной милиции, восстанавливался институт губернских комиссаров, учрежденный еще Временным правительством.

В тот же день начальник 1-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Б. М. Зиневич объявил приказ № 1 по гарнизону города Перми, по которому комендантом назначался полковник Георгий Сергеевич Николаев [1, л. 3]. 28 декабря Г. С. Николаев, в свою очередь, утвердил в должности губернского комиссара М. В. Кукаретина. 10 января 1919 г. Постановлением Совета министров Российского правительства должность переименовали в управляющего губернией [2, л. 8], а Кукаретина сменил Н. П. Чистосердов [3]. В конце ноября 1918 г. «омское» правительство учредило должность главного начальника Уральского края. Им 16 декабря стал С. С. Постников, одновременно являвшийся товарищем министра торговли и промышленности [4].

Упомянутый приказ Зиневича поделил город Пермь на 9 районов с подчинением каждого коменданту. Запрещалось носить оружие, выходить

на улицу с 19 до 7 ч., предпринимать попытки к агитации, грабежам и иным преступлениям. Зиневич выразил надежду, что «граждане Перми, после унижений и обид, перенесенных от большевиков, серьезно и с полным доверием отнесутся к выполнению этого приказа и не заставят прибегать к репрессивным мерам» [1, л. 4]. Параллельно органами местного самоуправления — городскими думами и земствами — принимались меры для перехода на мирные рельсы, несмотря на близость фронта и регулярные объявления о мобилизациях в Сибирскую армию, а также имевшие место расстрелы за попытку перейти на сторону красных [1, л. 87].

В Пермскую губернию входило шесть уездов: Осинский, Оханский, Усольский (Соликамский), Чердынский и Пермский. До официального раздела 15 июля 1919 г. к ней относились уезды Екатеринбургской губернии: Ирбитский, Камышловский, Шадринский, Верхотурский, Красноуфимский, Екатеринбургский, Серебрянский район Кунгурского уезда. Деятельность антибольшевистских властей в этих географических рамках вызывает интерес со стороны историков, что объясняется возможностью привлечения широкого корпуса источников, с одной стороны, а с другой — недостаточной изученностью Уральского региона, находившегося

под властью правительства Колчака. Общую историографическую линию сегодня задают оригинальные труды, освещающие аспекты функционирования военно-политической сферы белой Сибири и личности Верховного правителя [5–10].

Новизну нашего исследования определило обращение к неопубликованным источникам из фондов Государственного архива Пермского края. Применительно к проблеме это позволило прийти к пониманию общей картины общественно-политической жизни в губернии, оценить последствия влияния большевиков на развитие внутривластной обстановки при белых властях, обратив внимание на такие частности, как характеристики криминальной обстановки и социально-негативных явлений в контексте аспектов повседневности и др. При работе с источниками был выявлен ряд уникальных документов за подписью известного историка Е. Н. Сумарокова¹. Находка не случайна: в первой половине 1919 г. он занимал пост Управляющего Шадринским уездом, а в июле успел поработать помощником Управляющего Пермской губернией. Документы содержат его суждения о мерах борьбы с пьянством, о необходимости ограничить полномочия волостных земств, о прекращении выдачи удостоверений о мобилизации и, в целом, помогают охарактеризовать его как личность. Полученной информации достаточно, чтобы высоко оценить его заслуги перед Отечеством.

Основная часть. Полученный эмпирический материал был сформулирован по проблемным блокам, в рамках которых проведен анализ.

Съезд управляющих уездами и попытки нормализации местного самоуправления. К важнейшим документам эпохи следует отнести «Журнал заседания съезда управляющих уездами Пермской губернии» (13 страниц машинописи и рукописи). Организация данного мероприятия была вызвана необходимостью установить контроль над территорией губернии, а также оценить масштабы разрушенной экономики и принять необходимые меры в условиях восстановления земств и народной милиции. Источник представляет собой хаотично написанные рукописи с большим количеством исправлений; машинописный текст — только первые четыре листа. Очевидно, что участники съезда были сильно ограничены во времени, готовясь к приезду Верховного правителя А. В. Колчака.

Кемеровский историк С. П. Звягин указывает, что съезд управляющих уездами назначили на 12 февраля 1919 г., «важное для губернии мероприятие», которое, как он предположил, не состоялось по причине поездки на Урал Колчака — Н. П. Чистосердов обязан был его всюду сопровождать [13]. Но съезд все же открылся 16 февраля, а Колчак прибыл в Пермь 19-го. Заседания шли с 16 по 18 февраля. На июнь 1919 г. подобное мероприятие запланировали в Шадринском уезде, но открыться ему уже было не суждено.

Съезд был действительно весьма значимым событием: его конечной целью стал доклад для представления Верховному правителю. Текст документа отсутствует, но на основании обсуждаемых вопросов ясна его суть.

16 февраля в 14:30 Чистосердов объявил съезд открытым, на нем присутствовали 10 из 12-ти управляющих уездами (не были представлены Оханский и Осинский уезды). Обсуждали захват церковных и частновладельческих земель при большевиках, затем в 17:30 объявили перерыв до 20:00. Заседание

продолжили выступления управляющих уездами о политических настроениях, организации милиции, необходимости средств на восстановление учебных заведений, текущих делах. Но самым обсуждаемым вопросом стали ограничения полномочий волостных земств. Управляющие сетовали, что земцы не соответствуют своему назначению [14, л. 2].

На следующий день членом Губернского присутствия Н. П. Черняевым в 12:00 была зачитана телеграмма Временного правительства от 29 апреля 1917 г. «Об организации уездных съездов». Далее управляющий Кунгурским уездом А. И. Юшков предложил «дать более широкое право наблюдения за деятельностью и делопроизводством волостных земств путем ревизий, а также и удаления служащих, не соответствующих своему назначению» [14, л. 5]. Управляющий Шадринским уездом Е. Н. Сумароков заявил, что «в настоящее, в особенности, время управляющие уездами должны принять самое деятельное участие в работе съезда» [14, л. 5].

Действительно, все воссозданные органы власти были заинтересованы в обеспечении порядка, но нельзя утверждать, что в Пермской губернии милиция находилась в подчинении комиссаров [15, с. 46]. На последнем заседании 18 февраля рассматривался вопрос о взаимоотношениях управляющих губерниями с милицией и органами сельского управления, где Чистосердов подчеркнул: «Съезд признает, что право административного взыскания, принадлежащее начальникам милиции, принадлежит и управляющим уездами, коим непосредственно подчинена милиция в уезде. В отношении права административного взыскания по отношению к органам сельского управления — сельским старостам, а этих последних — подведомственным им лицам — съезд считает необходимым <...> разъяснение <...> Что же касается отношения уездных комиссаров к городским и уездным земским самоуправлениям, то в законе не имеется на этот предмет никаких указаний» [14, л. 6–6 об.].

Таким образом, в «Журнале...», а также в других документах, как мы увидим и далее, неоднократно поднимался вопрос о наделении исключительными полномочиями управляющих уездами. В тексте говорится об управляющих уездами и уездных комиссарах, как о совершенно разных понятиях, но речь, скорее всего, шла об одном и том же. Объяснением тому является указанное выше Постановление Совета министров, в соответствии с которым губернский и уездные комиссары стали называться управляющими [3].

Далее Н. П. Чистосердов перешел к аграрному вопросу: «Съезд считает необходимым ввиду сложных и запутанных отношений на Урале и необходимости ясного и твердого его разрешения в ближайшее время, когда возможны всякие эксцессы, скорейшее утверждение предлагаемого законопроекта о передаче земель, изъятых из пользования владельцев, в общественный фонд и о возвращении земель, захваченных у крестьян-собственников... до разрешения земельного вопроса в законодательном порядке — общегосударственным представительным органам» [14, л. 6–6 об.].

Управляющий подчеркнул, что земства изменили свой характер как органы самоуправления, являясь административным аппаратом, выполняющим милицеские функции, следовательно, необходимо «распространить надзор управляющих уездами на весь круг деятельности волостных самоуправлений» [14, л. 7]. При этом управляющим уездами

предоставлялось право ревизии всех органов земского самоуправления, а в отношении «каких-либо неправильных действий служащих» они могли применить меры воздействия на основании 29 ст. Положения об уездных комиссарах. Вопрос же об удалении от должностей или иных лиц мог решить исключительно начальник края по представлению управляющего губернией [14, л. 7].

Управляющий губернией руководствовался Положением Временного правительства от 29 апреля 1917 г., на основании которого уездный комиссар, «действуя в качестве ближайшего помощника губернского комиссара в уезде», осуществлял надзор за точным и повсеместным соблюдением законов органами управления и самоуправления в уезде» [16]. Земства и милиция были подотчетны управляющим уездами, находящимися в ведении Чистосердова, чем и объясняется наличие их отчетной документации в архивном фонде Управляющего Пермской губернией.

18 февраля, на том же съезде, управляющий Шадринским уездом Е. Н. Сумароков высказался за то, чтобы все постановления губернских и уездных земских самоуправлений, представленные по закону управляющему губернией на рассмотрение, направлялись бы через управляющих уездами, «которые будут не только иметь широкое наблюдение за деятельностью самоуправлений, но и давать подробные заключения по тем или иным постановлениям, как лица ближе знакомые с местными условиями жизни и обстоятельствами, вызвавшими издание данного постановления. Этим самым будет пресечена возможность проведения в жизнь тех постановлений, которые могут остаться не опротестованными в законный срок управляющим губернией...» [14, л. 7].

Член Губернского присутствия Н. П. Черняев подчеркнул, что «в особо важных случаях управляющие уездами могут своею властью временно устранять от должностей служащих волостных управ, но с тем, чтобы об этом доводилось до сведения волостных земских собраний и управляющего губернией» [14, л. 8].

С января 1919 г. начался сложный и долгий процесс по восстановлению работы уездных и волостных земских учреждений, подчинявшихся управляющему губернией. Другим болезненным вопросом, как на тот момент казалось, стал земельный, поскольку он вызывал много противоречий. При всех последствиях разрушительной продовольственной политики, красного террора и реквизиций имущества, идея отчуждения земель бывших владельцев если и вызвала сомнения у пермских крестьян в ее правомерности и возможности реализации, то воспринята ими была не без энтузиазма. Понадобилось немногим больше года с момента обнародования большевистского декрета, чтобы земельные угодья стали считаться государственными. Поэтому с восстановлением в правах на землю бывших собственников сельские власти не спешили, да и обратный порядок прописан не был. А раз не было соответствующего закона — значит, можно было и не возвращать. Именно на этой почве возник конфликт между земствами и сельскими обществами, так как происходящее являлось, по сути, захватом земли собственников, как, например, известных предпринимателей Строгановых.

Материальный ущерб, нанесенный большевиками, белые власти оценивали в сотни тысяч рублей. Тем не менее нельзя утверждать, что население

Пермской губернии было на грани голода. Состояние железной дороги и водных торговых путей по реке Кама еще позволяло обеспечивать уездные центры и волости продовольствием. Проблема нехватки посевного хлеба должна была решиться привозом его из Сибири и с помощью кредитования.

Согласно «Ведомости грузов, подлежащих отправке разными фирмами и потребительными обществами в продовольственный отдел Пермской городской управы» за июнь 1919 г., были получены следующие объемы продовольствия: 2 вагона семян и 3 вагона кренделей из Шадринского уезда, 3 вагона сала из Иркутска, 10 вагонов овса из Ялуторовского уезда (Тобольская губерния), 3 вагона крупчатки из Екатеринбурга, 10 вагонов муки из Петропавловска, 48 вагонов масла из Славгорода, Омска и Барнаула, 9 вагонов сыра из Бийска. Владивосток поставил на станцию Пермь-1 20 вагонов риса, 5 вагонов спичек, 2 вагона свечей, 2 вагона какао, подошвенной кожи 5 вагонов. Более 200 вагонов муки поставлялось из Сибири (список продолжается). В общей сложности 871 вагон прибыл на станцию Пермь-1 [17, л. 236–236 об.].

Данный документ наглядно показывает, насколько хорошо была налажена система обеспечения необходимыми продуктами. Однако длилось это недолго. Уже в июле 1919 г. с восстановлением советской власти в губернии продолжится продразверстка, а вместе с ней красный террор, жертвами которого станут и последние пермские предприниматели. Их имущество будет разграблено, а имена надолго останутся в советской истории как «эксплуататоры и кровопийцы трудового народа». Нежелание основной части населения — крестьян служить в Красной армии выльется в массовое дезертирство.

Рост преступности и социально-негативных явлений. Сколько бы ни старались губернские и уездные власти навести порядок, опираясь на правовую систему существовавших до и после революции норм, в 1919 г. это было сделать невозможно. Нерешенность аграрного вопроса сыграла ключевую роль в поддержке подавляющего большинства крестьян Красной армии. Это стало камнем преткновения, ибо нельзя было только «частично» признать советскую власть в плане передачи земли государству, что устроило бы многих. Не способствовали популярности власти Колчака регулярно издаваемые генералом Пепеляевым приказы о мобилизации и о формировании партизанских отрядов. Это создавало атмосферу непрекращающейся войны и подрывало тыл. Присутствие солдат Сибирской армии в Перми усугубило и без того проблему высокого уровня преступности, на фоне которой насущные вопросы — аграрный и политический — отошли на второй план, таким образом, на правоохранительные органы легла чрезмерная нагрузка.

На 8 января 1919 г. штат пермской милиции был следующим: начальник, 2 помощника, 4 старших милиционера, 24 пеших милиционера, конный отряд в 30 человек. Состав 1-го участка: начальник, 2 помощника, 6 старших и 69 младших милиционеров. Бюро уголовного розыска: начальник милиции, 2 помощника, 6 старших агентов, 12 младших агентов. При 3-м участке: начальник, 2 помощника, 5 старших и 55 младших милиционеров. Состав 4-го участка: начальник, 2 помощника, 4 старших и 33 младших милиционера. На 55 милицейских городских постов приходилось: 25 старших мили-

ционеро́в, 250 старших, конный отряд из 30 человек [18, л. 27–27 об.]. Начальником пермской милиции в тот период был П. И. Данилов, затем — Н. А. Ключников. Отчеты с мест направлялись в губернский город Н. П. Чистосердову.

Из рапорта исполняющего обязанности начальника народной милиции Екатеринбургa Кабанова: «28 апреля у И. Н. Носова, проживающего по Покровскому проспекту, в доме № 91 из квартиры во время обыска, производившегося военным контролем, были похищены золотые часы стоимостью 1500 рублей. Установлено, что кражу совершил солдат отряда особого назначения при Уполномоченном командующего Сибирской армией Михаил Партин» [19, л. 111].

В Екатеринбургском уезде произошел инцидент: 16 мая около 2 часов дня, в лесу, в 14 верстах от деревни Кержаки Ревдинской волости, на берегу реки Безымянки граждане П. Мамонов, В. Мамонов «выстрелом из ружья нанесли огнестрельную рану в затылочную часть головы сельскому старосте Г. А. Коминову, 77 лет, за то, что он не дал Петру Мамонову на масленице производить буйство и за отданное приказание вести принадлежащую ему лошадь на мобилизационный пункт. Убийцы скрылись в лесу. Василий Мамонов — дезертир, солдат 2-го ударного батальона 2-й роты, росту выше среднего, волосы на голове, бровях и усах русые, одет в черное полинявшее стеганое полупальто, шаровары из серого солдатского сукна, фуражку защитного цвета, сапоги» [20, л. 100].

Из суточных рапортов начальника пермской милиции П. И. Данилова: 4 марта в 12 часов ночи, около дома № 171 по Петропавловской улице прапорщиком 6-го Мариинского полка С. Я. Блохиным-Ксенофонтовым была убита 18-летняя В. Г. Четверикова. Убийство совершено «на романтической подкладке, в пьяном виде» [17, л. 78 об.].

Разумеется, об этом пермские военные власти не могли не знать, но и обвинять их в полном бездействии было бы несправедливо. 5 апреля 1919 г. был обнародован приказ генерала Пепеляева за № 138 по 1-му Средне-Сибирскому армейскому корпусу, в котором, в частности, говорилось: «За последнее время с прибытием пополнения и различных команд наблюдаю распущенность среди частей гарнизона города Перми. Много без дела военнослужащих бродят по улицам. Команды ходят в беспорядке <...> Категорически приказываю: из казарм увольнять по запискам, согласно уставу внутренней службы <...> только дисциплинированных солдат <...> Всем офицерам и солдатам нашить на головных уборах бело-зеленую ленточку, установленную для Сибирской армии» [1, л. 65]. Позже издавались приказы, запрещающие появление военнослужащих в нетрезвом виде.

В целом было принято различать и вести статистику по следующим видам преступлений: религиозные, государственные, служебные, против порядка управления, похищение правительственных актов, против нравственности, лжесвидетельство и ложный донос, подделка денег, против законов о воинской повинности, нарушение уставов казенных управлений, нарушение законов о печати, стачки в промышленных предприятиях, стачки среди сельских рабочих, угрозы, оскорбление чести, поджоги, разбои и грабежи, похищение лошадей и кража домашнего скота, против народного здоровья и общественного порядка, бродяжничество, изготовление, хранение и сбыт взрывчатых веществ

[21, л. 110]. Но круг реально совершаемых преступлений был гораздо уже.

На первом месте числились кражи, затем поджоги и убийства, причинение увечий и нанесение смертельных ран. Лишь краж было минимум три вида: простая, с взломом, с подбором ключа. Отмечались также разбойное нападение, вооруженное ограбление группой лиц, убийство с целью ограбления.

Стоит допустить, что не все преступления в силу разных причин попали в милицеские рапорты. Но статистика уголовных преступлений и социальных негативных явлений по городу Перми за февраль—июнь 1919 г. была такова: более 100 краж (из них только 35 приходится на июнь), 20 случаев отравления военнослужащих суррогатным алкоголем, 2 суицида, 10 случаев подкидышей, 2 несчастных случая вследствие неосторожного обращения с оружием, 1 самострел. Выявлено 13 случаев дезертирства и 14 случаев задержания лиц, ведущих антиправительственную пропаганду и сотрудничающих с коммунистами-большевиками [Подсчет по: 17].

А 23 апреля в Кыштымском заводе Екатеринбургского уезда у ватерклозета на базаре была наклеена записка со строчками из популярной песни: «Верно! Хорошо! Нас давит, товарищи, власть капитала, царящего мощно повсюду. Довольно, товарищи, время настало проснуться голодному люду» [19, л. 21].

Милиции были известны и другие случаи про-большевистской агитации, антиправительственных высказываний. 5 марта в Перми был задержан неизвестный, который агитировал против власти Временного правительства: «Не нужно идти по призыву в войска» [18, л. 144 об.]; 29 марта был задержан гражданин Ново-Паинской волости Оханского уезда Илья Пирожков, «коммунист, проявлял действия в пользу советской власти» [18, л. 163].

Статистика по Шадринскому уезду: 14 пожаров, 20 краж, 14 убийств, 10 несчастных случаев, 16 случаев нанесения ран со смертельным исходом, 3 изнасилования, 8 суицидов, 2 подкидыша [Подсчет по: 22].

В Верхотурском уезде только с февраля по апрель было выявлено 168 случаев самогоноварения («кумышки»), 60 преступлений «против общественного спокойствия» [19, л. 80–84].

По городу Чердыни: 14 случаев «присвоения и растраты чужого имущества», 86 краж, 12 «прочих преступных деяний». Итого «самых разных преступлений»: 156. При этом была подсчитана стоимость возвращенного имущества владельцам. Она составила всего лишь 1509 руб. [19, л. 70].

Статистика по Екатеринбургскому уезду: 22 кражи, 10 убийств (для сравнения: 14 умерли своей смертью), 9 несчастных случаев, 7 разбойных нападений, 14 пожаров, 3 самоубийства, 3 разбойных нападения, 10 случаев нанесения ран со смертельным исходом, 1 увечье [Подсчет по: 20].

По Екатеринбургy за апрель—июнь 1919 г.: 34 кражи, 11 пожаров, 1 подкидыш, 4 изнасилования, 2 несчастных случая, 3 суицида, 11 алкогольных отравлений, 4 убийства, 4 случая нанесения ран со смертельным исходом [Подсчет по: 21].

В Екатеринбургском уезде имели место кражи платинового песка на Авроринском и Павловском приискаx. С момента открытия месторождений платины на Урале (с 1824 по 1922 гг.) было добыто около 250 т металла и 70–80 т расхищено [23,

с. 99]. Самовольная добыча платины зафиксирована в сводках милиции Екатеринбурга: «8 мая 1919 г. на прииске Нижне-Туринской волости был задержан гражданин Загафаров, у которого при обыске было обнаружено 9 золотников² 63 доли³ платины»; «19 мая на Авроринском прииске Черноисточинской волости задержаны граждане Бушин и Тебельков, хищнически промывавшие платиносодержащие пески, причем отобрано от них намытой платины 6 долей» [21, л. 43 об., 46].

Анализ милицеских сводок за январь—июнь 1919 г. приводит к выводу о том, что больше всего краж и убийств произошло в Перми, в то время как в уездах получили распространение другие виды преступлений. При этом солдаты и офицеры Белой армии не были единственными виновниками криминального неблагополучия. Рост преступности, а также негативных социальных явлений в тот период, во многом, был спровоцирован моральным разложением общества вследствие ослабления власти, безработицы, перебоев с хлебом и топливом и ряда других проблем.

Социально-негативные явления. Распространенными социально-негативными явлениями были: самострелы, пьянство, отравления суррогатным алкоголем, суициды [24—25].

Отдельно следует выделить несчастные случаи. В отчетных документах милиции отмечены случаи тяжелых ранений, когда по незнанию или из любопытства люди подрывались, пытаясь разобрать боеприпасы, найденные на чердаках, в чуланах или погребках. Известно, что среди раненых были и дети. Стоит полагать, что в ожидании очередной смены власти оружие прятали как для военных целей, так и для самозащиты.

Так, 25 мая в Екатеринбурге «около 5 часов вечера в доме № 99 по Васнецовской улице произошел взрыв бомбы. Осмотром места взрыва установлено, что в четырех окнах дома выбиты стекла и силой взрыва на расстояние трех саженей вышиблены 5 досок у сеней, расщепан косяк и входная дверь. Опрошенная Ошева показала, что, возвратясь из леса в свою квартиру, она стала перебирать имущество, находящееся в чулане, где с полки свалилась на пол какая-то бутылкообразной формы жестянка. Ошева взяла ее в руки и, выйдя в сени, стала рассматривать, держа в правой руке, а левой по незнанию надавила капсулю, от чего и получился взрыв. Ошева получила ранения правого предплечья, с отрывом всей кисти руки, области правой грудной железы, безымянного и указательного пальцев левой руки с отрывом ногтевых фалангов, роговицы правого глаза» [20, л. 101].

10 апреля в деревне Большой Исток Арамилской волости Екатеринбургского уезда чинами милиции при обыске квартиры Н. Мишарина было обнаружено 8 фунтов динамита, 55 капсулей, 3 круга фитиля [20, л. 23 об.]. 20 апреля в селе Косулинском Бобровской волости, «во время совершения утренней Святой Пасхи, при стрельбе из пушки у церкви гражданином Д. И. Слепухиным, 38 лет, осколком от разрыва пушки причинило ему тяжелую рану в голову, от каковой он вскоре и умер» [20, л. 26 об.]. В Екатеринбурге утром 29 апреля в отделении Русско-Азиатского банка, где была расквартирована воинская часть, «одним солдатом нечаянно была обронена бомба. Взрывом двое убито и свыше 10 солдат ранено» [20, л. 83].

Суициды. Возрастает количество суицидальных случаев, что позволяет судить об их обуслов-

ленности военным временем. Такие факторы, как потеря кормильца, лишение права собственности, безработица, являлись непреодолимыми в жизни городского и сельского обывателя. В то время существование отдельного человека всецело зависело от социальной среды и определенных жизненных условий, нарушение хотя бы одного из них заставляло задуматься о смерти. Принятие решения об уходе из жизни сопровождалось желанием изложить мотивы такового в предсмертных записках. Это говорит об одиночестве человека и одновременно о его закрытости, глубокой душевной драме, толкнувшей на отчаянный шаг. Уход из жизни понимался как лучший способ вырваться из реальности из-за невозможности разрешить тупиковую ситуацию.

Оставление предсмертных записок было характерно самым разным категориям населения. У каждого самоубийцы был свой повод свести счеты с жизнью: несчастная любовь, межличностные конфликты [См. подр.: 26], безработица, неудачная карьера, ликвидация власти советов, невозможность прокормить детей, разочарование в жизни. В источниках можно встретить формулировку «удавился на своем дворе в состоянии ненормальных умственных способностей» [21, л. 46].

В рапортах Екатеринбургской городской милиции зафиксирован случай: «Около 7 часов вечера главным врачом дивизионного лазарета 1-й ударной дивизии Русских заявлено в милицию, что около 6 часов вечера в своей квартире, находящейся по Тимофеевской набережной, в доме № 13, покончила жизнь самоубийством, выстрелив из револьвера системы «Бульдог» в область нижней части грудной клетки Серафима Никитина, 39 лет от роду. Покойная оставила две записки, написанные собственноручно. Первая записка: «Простите все мне. Жить больше не могу. Устала. Благословляю детей. Целую крепко всех. Серафима. 5 июня 2 часа ночи, 1919 г.». Вторая записка: «Моя просьба. Прошу брата Лелю не оставить моих мальчиков. Леночку прошу за меня приласкать иногда Кону — бедняжку. Все мое, все вещи пусть будут Жене. Она остается очень одинокая. Прошу меня одеть в черное поплиновое платье. Я приготовила на комод. Там же белье, чулки и туфли. Чистое белье одела сама. Простите. Серафима. 5 июня, 5.30 дня». Причина самоубийства: трудное существование с семьей в 4 человека без средств» [19, л. 110].

11 мая врач Архипов, живший на Васнецовской улице, в доме № 159, заявил в городскую милицию Екатеринбурга, что его прислуга М. И. Мартюшева, 22 лет, пытаясь отравиться уксусной эссенцией, которой выпила чайную чашку. Девушку отправили в городскую больницу для оказания помощи [19, л. 97 об.].

Согласно рапортам Екатеринбургской милиции, в ночь с 23 на 24 января 1919 г. в д. Калинке Слободской волости, в собственном доме, «удавился на проволоочной петле, привязанной к брусу палатей, Г. М. Костромин, 60 лет. Причина самоубийства — отчаяние от потери зрения» [19, л. 1]; «26 января в д. Макаровой Билимбаевской волости, выстрелом из револьвера в голову лишила себя жизни гражданка Вятской губернии Глазовского уезда Поломской волости Л. Н. Дьяконова, 20 лет. Причина самоубийства не известна [20, л. 1 об.]»; в деревне Фоминой Бобровской волости Н. П. Щетинкин, 43 лет, «будучи в нетрезвом виде, нанес тяжкие побои сожительнице своей П. П. Яковлевой,

от каковых она вскоре умерла. После этого Щетинкин покончил с собой, «удавившись в своем доме на петле» [20, л. 30 об.]; «30 мая около двух часов дня в кладовой отделения Петроградского столичного ломбарда, находящегося на Покровском проспекте, в д. № 39, удавился рабочий Екатеринбургa В. М. Плотников, 46 лет» [20, л. 36].

25 мая в Екатеринбурге в доме № 42 по улице Успенской расстался с жизнью штабс-капитан 4-го Чистопольского полка Н. В. Полуэктов. Дознание установило, что «покойный покончил с собой выстрелом из револьвера системы «Бульдог» в правый висок. При осмотре обнаружены две записки, написанные покойником собственноручно, в которых он просил после смерти тело «не потрошить». Причины, побудившие покончить жизнь самоубийством, якобы разжалование покойного из офицерского звания за усиленное пьянство»; «29 мая около 8 часов утра был обнаружен <...> удавившийся статский советник Д. М. Павлинов, 79 лет» [19, л. 104].

Алкоголизм. Самогоноварение и пьянство стали самыми распространенными негативными явлениями в Пермской губернии, во многом порождая иные социальные девиации и происшествия, описанные выше. Больше всего распитие кумышки и спиртосодержащих жидкостей (древесный спирт, политура) отмечалось в Верхотурском и Шадринском уездах. В суточных рапортах милиции по городу Перми нередко фигурируют рядом самострелы и массовые алкогольные отравления. Так, в ночь на 4 февраля в здании общественного собрания прапорщик 6-го Мариинского полка Феоктистов выстрелом из револьвера ранил себя в грудь навылет [18, л. 14 об.]. 5 февраля солдат Барнаульского полка Харитонов ранил себя выстрелом из винтовки в левую руку [18, л. 14 об.]. В Александровскую больницу 4 февраля доставили «в бессознательном состоянии» с признаками отравления денатурированным спиртом 11 солдат Ново-Николаевского пехотного полка, «найденным ими в вагоне станции Пермь-2. Двое умерли» [18, л. 16 об.]. 6 февраля 1919 г. отравились древесным спиртом: Т. С. Журавлева, 30 лет, красноармеец Григорий Девятяров, рядовые Енисейского полка Власов и Петраков, ефрейтор Енисейского полка Баландин, военнопленный красноармеец Шушаков, партизан Вожегов, фельдшер Енисейского полка Николаев, военнопленный красноармеец Пинаев, пожарные Овсянников и Дружинин [18, л. 19 об.].

О проблеме повального пьянства свидетельствует и выписка из журнала собрания Шадринской городской думы 14 апреля. Гласный Астафьев тогда заявил, что «Правительство махнуло рукой на борьбу с пьянством», и «он не может допустить, что Россию надо возвращать к пьяному состоянию», и предложил гласным ходатайствовать перед Правительством о предоставлении права городам запрещения продажи крепких напитков [27, л. 212]. Гласные Седов и Казнин предложение поддержали. Казнин высказался о необходимости принять «более энергичные мера против выделывания самогонки» [27, л. 212 об.]. В ходе полемики дума единогласно постановила: «Признавая нежелательным открытие заведений с крепкими напитками, виноградными винами и пивом, просит Правительство о предоставлении права городам запрещения продажи вышеперечисленных напитков» [27, л. 212 об.].

Это постановление подписал городской голова А. С. Машуков, который до революции был пре-

успевающим предпринимателем и политическим деятелем. Он имел собственную паровую мельницу, пряничный магазин. Важно помнить, что Шадринск был развитым в экономическом отношении уездным центром, с высоким уровнем жизни. После ухода белых было национализировано 297 домов площадью 982,2 м², переданных на социально-хозяйственные нужды (устройство детдомов, обеспечение жильем коммунистов) [28, с. 15]. Логично, что заметное число обеспеченного населения города (в том числе вхожего в местное самоуправление) было встревожено без того беспокойной повседневной бытовой ситуацией, которую распространение алкоголизма и иных социальных девиаций лишь усугубляло.

17 мая Машуков направил представление Управляющему Пермской губернией о запрете продажи крепких спиртных напитков в Шадринске: «Шадринская городская дума, обсуждая вопрос о разрешении продажи пива и виноградных вин и признавая нежелательным открытие заведений с крепкими напитками, постановила просить Правительство о предоставлении городам права запрещения продажи вышеперечисленных напитков <...> Управа просит Вас войти в сношение с Министерством финансов и о последующем Управу уведомить» [27, л. 210 – 210 об.].

Данное предложение вызвало критику со стороны управляющего Шадринским уездом Е. Н. Сумарокова, который усмотрел нецелесообразность запрещать продажу крепких напитков и 17 июня внес свои предложения Н. П. Чистосердову: «Обращаясь к самому существу запретительных мер продажи вина и пива, надлежит признать их полную несостоятельность в деле укрепления и насаждения трезвости. Доказательством чему могут служить факты прошлого времени, когда торговля была запрещена. В городах к услугам желающих достать спиртные напитки были аптеки, москательные лавки, доставляющие политуру, лак и т.п. вещества, когда же то было кончено, то появилась самогонка. Факт появления из народа самогонки как раз служит доказательством, во-первых, в потребности в вине, а во-вторых, распространительности того факта по всей России, несмотря на целый ряд запретительных мер, действовавших особенно сурово до переворота, указывают на несостоятельность мер в борьбе с пьянством. Запретительные меры не только не принесли какую-либо пользу, но в виду кустарного изготовления опьяняющих напитков, всевозможных примесей одурманивающего характера, часто ядовитых по своему составу — принесло значительный вред населению. Если же учесть тот расход хлеба и полезных продуктов, тратившихся на изготовление кустарного вина, то вред тот можно измерять уже государственными масштабами. Крестьянство и рабочие городов были главными потребителями самогонки. В силу сказанного, полагал бы не соглашаться с ходатайством городской думы от 14 апреля» [27, л. 209 – 209 об.]. По вопросу о необходимости борьбы с проявлениями пьянства Сумароков отметил, что «таковая в городе и уезде может осуществляться с помощью милиции, которая в настоящее время окрепла и является подготовленной в том деле» [27, л. 210 – 210 об.].

Могла ли разрешиться данная проблема, неизвестно. Пермским земствам оставалось находиться у власти менее месяца. Но Сумароков планировал открыть в Шадринске уездный съезд. 17 июня он писал Чистосердову: «Мною были посланы Вам два

представления о назначении Помощника Управляющего по Шадринскому уезду. Покорнейше прошу, возможно скорее, или назначить из представленных, или по Вашему усмотрению. Работы очень много, и мне приходится только вести бумажную работу, количество же переписок и дел все увеличивается. Предполагаемое открытие Уездного съезда еще в значительной степени увеличит делопроизводство» [27, л. 198].

Выводы и дискуссия. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубоком общем кризисе социума, который брал истоки от политической дестабилизации в стране, последовавшей за военно-революционными катаклизмами после 1917 г. Первостепенно страдала здесь региональная власть и местное самоуправление. В Пермской губернии в условиях Гражданской войны шел сложный процесс институционализации на уровне руководства региона. Во избежание ненужного разрастания кадров и параллелизма в губернских и уездных административных органах власти комиссары стали именоваться управляющими, что, по сути, означало и передачу исключительных полномочий последним, а значит, неизбежно влекло за собой расширение функций. Это решение было хорошо продумано. Находившемуся в Омске адмиралу Колчаку нужны были грамотные управленцы, которые смогли бы удержать под контролем ситуацию в являвшемся прифронтовой зоной самом западном регионе тогдашнего белого востока России.

Как видно, обращение к неопубликованным источникам официального характера проливает свет на картины повседневно-бытовой жизни Пермской губернии в условиях ожесточенного разгара Гражданской войны. Стоит согласиться, что на протяжении всего периода Н. П. Чистосердову, пытавшемуся координировать усилия для стабилизации ситуации на местном уровне, отчасти удавалось контролировать общественно-политические и социально-экономические процессы в регионе. Однако властные полномочия реализовать в полной мере у него не было возможности. Прежде всего, здесь играл роль неумолимо приближающийся фронт. Но управленцы региона не владели в полной степени всей информацией о политической обстановке в губернии и в зоне боевых действий. Сказывалось и присутствие военных, чьи начальники издавали параллельные приказы и распоряжения, подчас абстрактно фокусируя усилия населения на борьбе с большевиками и сохранении спокойствия. Но просоветская пропаганда не прекращалась, подрывая тыл и авторитет властей.

Присутствие в органах местного самоуправления и милиции достаточно квалифицированных кадров в некоторой степени помогало обеспечить проведение в жизнь восстановительных мер. Низкий уровень раскрываемости преступлений имел место в силу большого количества правонарушений и значительного увеличения вызванного ими объема оперативно-следственной работы. Чтобы побороть первопричины развития преступности и многочисленных социальных девиаций, у властей, фактически работавших по наитию, не хватало отчасти нужной практики, но в большей части — правовых полномочий. Не отвечавшее текущим запросам устаревшее законодательство сковывало действия управленцев. Имевшие место попытки перемен здесь попросту не успели принести плоды за короткий срок восстановления антибольшевистской власти в регионе.

Примечания

¹ Как и у многих русских эмигрантов, судьба Евгения Николаевича Сумарокова была трагична. Получив образование на юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского университета, он начал карьеру адвоката. В Шадринске проживал с сентября 1918 г. После занятия Пермской губернии частями Сибирской армии был назначен с 1 января 1919 г. (по всей видимости, приказом А. В. Колчака) на должность управляющего Шадринским уездом. В июле того же года стал помощником Управляющего Пермской губернии, а затем уполномоченным МВД Российского правительства по устройству беженцев в Забайкалье. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. Посвятил себя служению науке и сохранению русской православной культуры. Даже находясь в изгнании и тяжелейших условиях, он продолжал исследования, а также был певчим в Свято-Сергиевской церкви в Имьяньпо. В 1946 г. был выдан китайскими властями советским спецслужбам. Приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях за шпионаж. Отбывал срок в Дубравлаге, затем переведен в Степлаг. Умер в заключении [11–12].

² 1 золотник = 96 долям = 4,25 г.

³ 1 доля = 0,044 г.

Список источников

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 8.
2. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 4.
3. Предисловие к фонду Р–746 «Управляющий Пермской губернией МВД Временного Всероссийского правительства Колчака (1918–1919)». ГАПК. Ф. Р–746.
4. Рынков В. М. Между дирижизмом и этатизмом: новации государственно-экономического строительства в Сибири в контексте российского опыта (1914–1920) // ЭКО. 2018. № 2. С. 155–173. EDN: YODYOC.
5. Гагкуев Р. Г. Дружины Святого Креста и Зеленого Знамени — последний резерв адмирала А. В. Колчака // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH.
6. Тетерин В. И. Органы местного самоуправления Пермской губернии в условиях мобилизации служащих в 1919 году // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2018. № 1. С. 132–139. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.14. EDN: YVHVIO.
7. Васильченко Д. А. Деятельность милиции Российского правительства А. В. Колчака в городе Омске // Оперативно-розыскное право. 2017. № 1. С. 58–65. EDN: UYPFNK.
8. Назырова В. В., Петин Д. И. «В славные дни нашего освобождения»: освещение годовщины выступления Чехословацкого корпуса в прессе белой Сибири // Исторический вестник. 2024. № 47. С. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005. EDN: EEAXAB.
9. Хандорин В. Адмирал Колчак, вопрос о единстве России и союзники // Родина. 2013. № 12. С. 63–65. EDN: RQRHZR.
10. Шишкин В. И. Создание Совета верховного правителя А. В. Колчака (20–21 ноября 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 96–99. EDN: PEBFHR.
11. Рубан Н. А. Труды православного историка Евгения Сумарокова, изданные в Харбине в 1940-е годы // Аллея науки. 2020. Т. 2, № 12. С. 341–345. EDN: BABQYS.
12. Веребенников М. Харбинский церковный историк // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. № 2. С. 103–140. EDN: WBSIJ.

13. Звягин С. П. Управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов: штрихи биографии // Гражданская война на Востоке России: материалы Всерос. научн. конф. (Пермь, 25–26 ноября 2008 г.). Пермь: Тип. Астер, 2008. С. 101–108. EDN: CWPYZC.
14. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 14.
15. Домовитова П. Я. Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г.–апрель 1919 г.) // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 2. С. 42–50. EDN: SZZMUT.
16. Положение о губернских и уездных комиссарах (Постановление Врем. правительства. 19 сент. 1917 г.). Петроград: Гл. упр. по делам мест. хоз-ва М-ва вн. дел, 1917. 35 с.
17. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 29.
18. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 68.
19. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 50.
20. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 59.
21. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 48.
22. ГАПК. Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 67.
23. Халяева О. В. Уральская платина глазами очевидцев на рубеже XIX–XX веков // Всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В. О. Полякова. 2011. № 12. С. 98–109.
24. Безгин В. Б. Суицид в среде крестьянской молодежи (конец XIX–начало XX века) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 3. С. 198–204. DOI 10.7256/2409-868X.2016.3.19039. EDN: WDOKHX.
25. Безгин В. Б., Жеребчиков Д. П. Суицид в городе и деревне Российской провинции конца XIX–начала XX веков // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. Т. 18, № 4. С. 1121–1130. EDN: PRGJAR.
26. Долгова А. В. «Да здравствует товарищ Ленин и Троцкий!» — предсмертные записки военнослужащих в годы Гражданской войны // Граница как историко-психологическое явление: материалы LV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 13 мая 2024 г.). Санкт-Петербург: ООО Полторак, 2024. С. 123–127.
27. ГАПК.Ф. Р–746. Оп. 2. Д. 28.
28. Перунов В. К. Краеведческие очерки: сборник статей и очерков по истории Шадринска и уезда. Шадринск, 2012. 104 с.

ДОЛГОВА Анжела Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.
 SPIN-код: 2804-1380
 AuthorID (РИНЦ): 594831
 ORCID: 0000-0001-7859-3596
 ResearcherID: A-8542-2017
 Адрес для переписки: angela_dol@mail.ru

Для цитирования

Долгова А. В. От кризиса государства к кризису социума: общественно-политическая и повседневно-бытовая жизнь Пермской губернии в первой половине 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 22–31. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-22-31. EDN: IFDVIB.

Статья поступила в редакцию 25.09.2024 г.
 © А. В. Долгова

FROM THE CRISIS OF THE STATE TO THE CRISIS OF THE SOCIETY: SOCIO-POLITICAL AND ROUTINE LIFE OF PERM PROVINCE IN THE FIRST HALF OF 1919

The article analyzes the socio-political and routine life of the Perm province in the first half of 1919. Particular attention in the research is given to the restoration of local authorities and the people's militia, which has not received full coverage in historiography. The purpose of the work is to study the results of the influence of the administrative activities of these authorities on the life of society, relying on unpublished sources from the funds of the State Archives of Perm Region, introduced into scientific circulation for the first time — reports of the Perm city police, reports of the chief of the Ekaterinburg police, incident reports, reports of district managers to the Governor of Perm province, orders for the Perm garrison. The theoretical basis of the research is a combination of institutional and anthropological approaches with methods of content analysis, problem-chronological and statistical. Based on the results, a special role of the Governor of Perm province N. P. Chistoserdov in the socio-political life of the region in the studied period is noted, contradictions of the legal framework and personnel policy of local authorities are highlighted; the relations between the acute crisis of the routine life against the background of the state political destabilization and the moral decay of society is emphasized.

Keywords: Perm province, A. V. Kolchak, E. N. Sumarokov, local government, zemstvo, police, criminal offenses, suicide.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraia (GARK) [State archive of the Perm Region (SAPR)]. File: R-746/2/8. (In Russ.).
2. GARK [SAPR]. File: R-746/2/4. (In Russ.).
3. Predisloviye k fondu R-746 «Upravlyayushchiy Permskoy guberniyey MVD Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva Kolchaka (1918–1919)» [Preface to the R-746 fund «Manager of Perm Province of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional All-Russian Government of Kolchak (1918–1919)»]. GARK [SAPR]. File: R-746/1. (In Russ.).
4. Rynkov V. M. Mezhdru dirzhizmom i etatizmom: novatsii gosudarstvenno-ekonomicheskogo stroitel'stva v Sibiri v kontekste rossiyskogo opyta (1914–1920) [Between dirigisme and etatism: innovations of state-economic development in Siberia within the context of Russian experience (1914–1920)]. *EKO*. 2018. No. 2. P. 155–173. EDN: YODYOC. (In Russ.).
5. Gagkuyev R. G. Druzhiny Svyatogo Kresta i Zelenogo Znameni — posledniy rezerv admirala A. V. Kolchaka [Squads of the Holy Cross and the Green Banner — the last reserve of Admiral A. V. Kolchak]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. P. 68–87. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-68-87. EDN: WMGRZH. (In Russ.).
6. Teterin V. I. Organy mestnogo samoupravleniya Permskoy gubernii v usloviyakh mobilizatsii sluzhashchikh v 1919 godu [Local self-government of perm province in conditions of office employees' mobilization in 1919]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura, istoriya, filosofiya, pravo. Bulletin of the Perm National*

Research Polytechnic University. Culture, History, Philosophy, Law. 2018. No. 1. P. 132–139. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.14. EDN: YVHVIO. (In Russ.).

7. Vasil'chenko D. A. Deyatel'nost' militsii Rossiyskogo pravitel'stva A. V. Kolchaka v gorode Omske [Activities of the militia of the A. V. Kolchak's Russian government in Omsk]. *Operativno-rozysknoye Pravo*. 2017. No. 1. P. 58–65. EDN: UYPFNK. (In Russ.).

8. Nazzyrova V. V., Petin D. I. «V slavnnyye dni nashego osvobodzheniya»: osveshcheniye godovshchiny vystupleniya Chekhoslovatskogo korpusa v presse beloy Sibiri» [«In the glorious days of our liberation»: coverage of the anniversary of the performance of the Czechoslovak Corps in the press of White Siberia]. *Istoricheskiy vestnik. Historical Reporter*. 2024. No. 47. P. 160–183. DOI: 10.35549/HR.2024.2024.47.005. EDN: EEAXAB. (In Russ.).

9. Khandorin V. Admiral Kolchak, vopros o yedinstve Rossii i soyuzniki [Admiral Kolchak, the question of Russia's unity and the allies] // *Rodina. Motherland*. 2013. No. 12. P. 63–65. EDN: RQRHZR. (In Russ.).

10. Shishkin V. I. Sozdaniye soveta verkhovnogo pravatelya A. V. Kolchaka (20–21 noyabrya 1918 g.) [Creation of the Council of the Supreme Ruler A. V. Kolchak (November 20–21, 1918)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri. Humanitarian Sciences in Siberia*. 2012. No. 3. P. 96–99. EDN: PEBFHR. (In Russ.).

11. Ruban N. A. Trudy pravoslavnogo istorika Evgeniya Sumarokova, izdannyye v Kharbine v 1940-e gody [Works of the orthodox historian Yevgeny Sumarokov published in Harbin in the 1940s]. *Alleya nauki. Alley of Science*. 2020. Vol. 2, no. 12. P. 341–345. EDN: BABQYS. (In Russ.).

12. Veretennikov M. Kharbinskiy tserkovnyy istorik [A Church historian from Harbin]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2016. No. 2. P. 103–140. EDN: WBLSIJ. (In Russ.).

13. Zvyagin S. P. Upravlyayushchiy Permskoy guberniyey N. P. Chistoserdov: shtrikhi biografii [Perm province governor N. P. Chistoserdov: biographical details]. *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii*. Perm, 2008. P. 101–108. EDN: CWPYZC. (In Russ.).

14. GARK [SAPR]. File: R–746/2/14. (In Russ.).

15. Domovitova P. Ya. Problema «dvoyevlastiya» na Urale v usloviyakh rezhima A. V. Kolchaka (dekabr' 1918 g. – aprel' 1919 g.) [The problem of «Dual Power» in the Urals under the regime of Alexander Kolchak (December 1918–April 1919)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. Perm University Herald. History*. 2014. No. 2. P. 42–50. EDN: SZZMUT. (In Russ.).

16. Polozheniye o gubernskikh i uyezdnikh komissarakh (Postanovleniye Vrem. pravitel'stva. 19 sent. 1917 g.) [Regulations on provincial and district commissars (Resolution of the Provisional Government. September 19, 1917)]. Petrograd, 1917. 35 p. (In Russ.).

17. GARK [SAPR]. File: R–746/2/29. (In Russ.).

18. GARK [SAPR]. File: R–746/2/68. (In Russ.).

19. GARK [SAPR]. File: R–746/2/50. (In Russ.).

20. GARK [SAPR]. File: R–746/2/59. (In Russ.).

21. GARK [SAPR]. File: R–746/2/48. (In Russ.).

22. GARK [SAPR]. File: R–746/2/67. (In Russ.).

23. Khalyayeva O. V. Ural'skaya platina glazami ocheviditsev na rubezhe XIX–XX vekov [Ural platinum by eyewitnesses at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vserossiyskiye nauchnyye chteniya pamyati il'menskogo mineraloga V. O. Polyakova*. 2011. No. 12. P. 98–109. (In Russ.).

24. Bezgin V. B. Suitsid v srede krest'yanskoy molodezhi (konets XIX – nachalo XX veka) [Suicide among peasant youth (the end of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya. Genesis: Historical Research*. 2016. No. 3. P. 198–204. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.3.19039. EDN: WDOKHX. (In Russ.).

25. Bezgin V. B., Zhrebchikov D. P. Suitsid v gorode i derevne Rossiyskoy provintsii kontsa XIX – nachala XX vekov

[Suicide in Town and Villages of Russian Province in Late 19th – Early 20th Centuries] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Transactions of the Tambov State Technical University*. 2012. Vol. 18, no. 4. P. 1121–1130. EDN: PRGJAR. (In Russ.).

26. Dolgova A. V. «Da zdravstvuyet tovarishch Lenin i Trotskiy!» — predsmertnyye zapiski voyennosluzhashchikh v gody Grazhdanskoy voyny [«Long live comrade Lenin and Trotsky!» — suicide notes of military personnel during the Civil War]. *Granitsa kak istoriko-psikhologicheskoye yavleniye*. Saint Petersburg, 2024. P. 123–127. (In Russ.).

27. GARK [SAPR]. File: R–746/2/28. (In Russ.).

28. Perunov V. K. Krayevedcheskiye ocherki: Sbornik statey i ocherkov po istorii Shadrinska i uyezda. Shadrinsk [Local history essays: a collection of articles and essays on the history of Shadrinsk and its county]. Shadrinsk, 2012. 104 p. (In Russ.).

DOLGOVA Anzhela Valeriyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Humanities Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. SPIN-code: 2804-1380

AuthorID (RSCI): 594831

ORCID: 0000-0001-7859-3596

ResearcherID: A-8542-2017

Correspondence address: angela_dol@mail.ru

For citations

Dolgova A. V. From the crisis of the state to the crisis of the society: socio-political and routine life of Perm province in the first half of 1919. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 22–31. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-22-31. EDN: IFDVIB.

Received September 25, 2024.

© A. V. Dolgova